

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. В. ВОРОБЬЕВ

**ЧЖУРЧЖЭНИ
И ГОСУДАРСТВО
ЦЗИНЬ
(X в. — 1234 г.)**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1975

9(M)1
B75

Ответственный редактор

С. А. ШКОЛЯР

В книге рассмотрены вопросы происхождения чжурчжэньского этноса, многие стороны политической истории, общественной организации, хозяйственной жизни до и после образования империи Цзинь, взаимоотношения чжурчжэней с другими народами империи и с окружающим миром.

В $\frac{10603-166}{013(02)-75}$ 98-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

Без преувеличения можно сказать, что чжурчжэни принадлежат к числу тех народов, чья известность далеко уступает их роли в истории. Довольно ясно их место в политической истории Дальнего Востока. Созданное ими государство Цзинь (по-чжурчжэньски Аньчун) 119 лет (1115—1234) существовало на обширных пространствах Приморья, Маньчжурии, Восточной Монголии, Северного и Центрального Китая, а события такого рода прочно запечатлеваются в истории, так как являются абсолютно конкретным фактором, нуждающимся лишь в фиксации... да еще, пожалуй, в сохранности этой фиксации. Впрочем, успехи чжурчжэней подверглись присвоению благодаря непревзойденному методу, столетиями разрабатываемому китайскими учеными. В русло китайской истории с неизменной последовательностью вводилось все, что происходило в китайской и околочитайской ойкумене, независимо от того, осуществлялось ли это в Китае, для Китая, против Китая или в связи с Китаем. Китайцы считали себя единственными распорядителями мира: для них — всего, для нас — дальневосточного. В итоге такой метод привел к потрясающим результатам. По временной аберации история сохранила все важное, значительное, громкое. Китайская история, богатая сама по себе, оказалась до отказа насыщенной великими деятелями и грандиозными открытиями. Киданьское государство Ляо (916—1125) и чжурчжэньское Цзинь завоевали значительную часть Китая, а монгольская династия Юань (1280—1367) — весь Китай, и эти государства и династии, и все ими сделанное официально включены китайскими историками в фонд истории Китая. Но здесь хоть не забыты иноземные корни этих династий: слишком громко заявили они о себе на китайской арене,

а так ли широко известно тобаское или сяньбийское происхождение династии Северная Вэй (386—534), тюркютская национальность создателей династии Тан (618—907) — «китайской из китайских»? И если такое могло произойти в области политической истории, где события и факты явственны, как и их принадлежность, то в мире культурной истории Китая едва ли не безвозвратно растворились бесчисленные вклады многих не китайских народов и государств.

Аналогичная судьба постигла и чжурчжэней. Даже строительство обширной империи, позабыть которое оказалось невозможно, сквозь призму китайских исторических трудов выглядит сильно обедненным: не то очередной сменой династии, мало что менявшей в развитии китайского (опять же!) общества, не то нашествием и повальным грабежом богатой и культурной страны — Китая.

Разумеется, мы далеки от мысли подобными аргументами намекать на необъективность, пристрастие или даже фальсификаторские тенденции китайских историков, древних и современных. Для любого китайского историка-патриота чжурчжэни были прежде всего завоевателями, захватчиками, и наивно было бы требовать от этих ученых, чтобы они поднялись «над схваткой» и одинаково равномерно и равнодушно уделяли свое внимание и разгрому, причиненному чжурчжэнями китайцам, и культурному совершенствованию завоевателей в ходе этих войн.

Но если подобная дилемма даже не вставала перед китайскими историками, что не мешало им изучать чжурчжэней, как таковых, то наше положение иное. История тунгусо-маньчжурских народов, деятельность которых неразрывно связана с нашими землями на Дальнем Востоке, является одной из интереснейших страниц, в значительной своей части еще не прочтенной.

Среди этих народов чжурчжэни занимают особое место. В результате ряда исторических причин развитие отдельных племен Приморья, Приамурья и Маньчжурии происходило неравномерно во времени и в пространстве. На отдельных этапах некоторые народности по уровню развития ничем не уступали признанным лидерам — китайцам или корейцам, в то же время другие племена — их современники сильно отставали от них; и так до смены этапа, когда положение менялось.

Еще в первых веках нашей эры здесь сложилось государственное образование Фуюй, но несколько веков разделяет дату его гибели и время появления нового государства — Бохай (712—926), ставшего примером для чжурчжэней. С выходом на арену чжурчжэней открылся качественно новый этап в истории тунгусо-маньчжурской народности.

В X—XIII вв. завершается большой этап развития этих племен, происходит консолидация всех близких по крови родовых и племенных групп в единую этническую общность, возникает государственность со всеми неслучайными ее атрибутами и создается самобытного типа культура, достаточно прочная и живучая, чтобы в XIV—XVII вв., т. е. спустя столетия после политического краха в середине XIII в., дать жизнь новой родственной народности и государству и продолжать сохранять свое влияние после гибели и этой маньчжурской государственности и культуры в среде современных нам тунгусо-маньчжуров. Эта ключевая роль чжурчжэней в трехтысячелетней истории южных тунгусо-маньчжуров, обитавших в Приамурье, Приморье и Маньчжурии с незапамятных времен и по сие время, когда они уже не являются главным населением этих мест, известна хуже всего. Точнее сказать, сам факт является бесспорным, но полная и подробная картина происшедшего еще не написана.

Виной тому много обстоятельств, и в числе их весьма общие, такие, как занятость ученых в соседних областях исследования, более благодарных по материалу и ярких по очевидным результатам, как, например, изучение Собственно Китая. Об этом мы еще будем говорить, здесь же хочется отметить два более конкретных и специфических обстоятельства. Прежде всего, все эти исторические и этнические процессы по характеру своему не имели видимости конкретных фактов, строго определенных в пространстве и во времени. Средневековая же история признавала в основном факты, а не процессы, т. е. была историей фактологической по сути и политической по характеру. Поэтому процессы такого рода известны нам постольку, поскольку они отразились в каких-то объективно существовавших формах или были отмечены историками как побочные, иллюстративные — в последнем случае не без тенденциозного отбора, так как сущность их шокировала официальных китайских историографов.

Империя Цзинь — многонациональное государство, в котором сами чжурчжэни составляли едва ли 10% всего населения. Но в своей монографии мы не могли уделить равное внимание всем народам этой империи, и прежде всего наиболее многочисленному — китайцам. Это не под силу одному исследователю, не входило в нашу задачу, да и не нужно по существу, так как проблема «китайцы под властью династии Цзинь» нашла отражение во многих работах по общей истории Китая и в еще большем множестве специальных монографий по истории хозяйства, культуры, искусства, науки Китая.

Основное наше внимание сконцентрировано на истории чжурчжэньского общества в период Цзинь. Увязка истории

этого общества с китайским осуществлена нами исходя из следующих соображений: невозможно изолированно рассматривать чжурчжэньское общество на этом этапе, так как такого герметичного общества просто не существовало. Но взаимопроникновение двух (а фактически более чем двух) обществ в разных областях было разным. Там, где такое проникновение (в одном каком-либо или в обоих направлениях) было принципиальным и основным, мы рассматривали проблему в рамках всего цзиньского общества, куда входили и китайцы.

При передаче географических названий, фамилий, имен, наименований должностей, реалий, терминов мы пользовались китайской транскрипцией, даже если известен соответствующий чжурчжэньский эквивалент. Такое предпочтение объясняется скудостью дошедшего до нас чжурчжэньского словаря. В случае принятия чжурчжэньской транскрипции — несомненно заманчивого для исследователя и справедливого в отношении народа, историю которого мы изучаем, — в работе неминуемо возник бы разнобой. Поэтому, оставляя китайскую транскрипцию, мы в скобках даем чжурчжэньскую параллель, если она известна. Некоторое отступление от этого правила пришлось допустить в отношении личных имен и фамилий, прежде всего императорских и царских. Так как их чжурчжэньская транскрипция или параллель уже широко проникли в нашу специальную литературу, мы употребляем их в тексте без оговорок. Необходимое разграничение в случае надобности приведено в указателях.

Требуется известных оговорок и употребление географических названий. В Северном и Центральном Китае смена правления немало способствовала изменению географических названий. Кроме того, старая литература, даже официальная, не свободна от употребления названий предшествующих эпох или соседних государств (где такая литература создавалась) при разборе истории Цзинь. Если же такая литература создавалась при последующих династиях (а так чаще всего и было), то в ней широко использовались современные ей географические и территориально-административные понятия. Неофициальные авторы чувствовали себя совершенно свободно в выборе того или иного из многих накопившихся за века названий одного и того же пункта. Даже с помощью специальных справочников в наше время трудно, а иногда и рискованно для сохранности стиля историка цитаты выбрать одно какое-нибудь наименование. Например, в «Цзинь ши» («История Цзинь») часто попадаются такие названия местностей, как Шаньдун, Шаньси, Хэнань и т. п., хотя ни при Сун (960—1279), ни при Цзинь (ни даже при Юань — в момент составления «Цзинь ши») таких территориальных

единиц не существовало. Их употребление чем-то напоминает наши выражения: Орловщина, Поволжье, Кубань. Было бы неверно подменять такие обозначения конкретными цзиньскими или сунскими губерниями, далеко не совпадающими с общими обозначениями. Мы оставили такие обозначения без изменения, приведя приблизительную таблицу их соответствия (табл. 1)¹.

Таблица 1
Сравнительная схема губерний в Северном и Центральном Китае

Сун (1120 г.)	Цзинь (вторая половина XII в.)	Обобщенно-традиционные названия
Хэбэйси Хэбэйдун	Чжунду Хэбэйси Хэбэйдун Сицзин	} Хэбэй
Хэдун	Даминфу Хэдунбэй Хэдуннань Шаньдунси Шаньдундун	
Цзиндунси Цзиндундун Цзинсибэй Цзинсинань	Наньцзин	} Шаньдун
Юнсинцюань	Фуянь Цзинчжао Циньюань Фэнсян Линьтао	
Циньфэн		} Шэньси
Чэндуфу Тунчуаньфу Личжоу Гуйчжоу Цзинхубэй Цзинси Цзиннань Цзяннаньдун (часть) Хуйнаньси (часть) Хуйнаньси (часть) Хуйнаньдун (часть)		
		} Хубэй
		} Аньхой

Далее, современный Пекин при Ляо и Цзинь фигурировал едва ли не под десятком названий: Яньцзин, Сицзин, Наньцзин (Южная столица) — при Ляо; Яньшань — в 1122 г. — при Сун; Дасин, Чжунду (Средняя столица) — при Цзинь, причем каждое последующее название в историографии не вытесняло предыдущие, а наслаивалось на них. В та-

¹ При проверке аутентичности географических названий и составлении упомянутой схемы использованы специальные пособия: [Бичурин, 1960; Wright, 1956].

ких случаях мы старались лишь не употреблять названий последующих эпох в качестве единственных и самостоятельных (Пекин). Но на территории Маньчжурии и Монголии в те времена было мало пунктов, сохранивших в литературе названия, поэтому и мы употребляем либо местные (Керулен), либо поздние китайские (Илань).

Употребление названий столичных городов и губерний (например, Южная столица, губерния Южной столицы — Наньцзин) отличается некоторыми особенностями. Поскольку такие названия, отражающие место города в административно-территориальной системе того или иного государства, существовали у всех трех государств: Ляо, Цзинь, Сун — и прилагались попеременно к разным городам и местностям, во всех случаях, когда речь идет о ляоских и сунских пунктах, это оговаривается. Обозначения цзиньских столиц и губерний могут не оговариваться. В тексте употребляется и оригинальное их звучание (Наньцзин) и перевод (Южная столица). В нужных случаях дается указание на собственное название города. В указателе они сведены в одно место.

Автор выражает благодарность К. В. Васильеву, Е. И. Кычанову, Л. Н. Меньшикову за консультации по китайским текстам и М. П. Волковой за помощь в подборе картографического материала.

* * *

История изучения чжурчжэней и государства Цзинь насчитывает уже много столетий и кроме источников имеет на своем счету немало трудов авторов всех национальностей, однако итоговые результаты не только не исчерпывающи — таковых в науке и не бывает, — но даже не могут считаться удовлетворительными.

Далее мы уделим внимание характеристике лишь основных источников, после чего отметим наиболее важные новейшие изыскания. Для удобства рассматриваемые источники можно разделить на три большие группы: 1) посвященные киданям и Ляо и затрагивающие раннюю стадию жизни чжурчжэней; 2) отражающие историю государства Цзинь; 3) общего характера.

К первой группе относятся два источника: «Цидань го чжи» («Записки о государстве киданей») и «Ляо ши» («История Ляо»).

«Цидань го чжи» составлены сунским ученым Е Лун-ли в 1179 г. в 27 цзюанях (главах). Этот труд имеет неофициальный характер, в нем содержится много сведений о быте, культуре киданей и некоторых других народов, в том числе и чжурчжэней (цз. 18, 26). Однако Е Лун-ли пользовался не

столько оригинальными источниками, сколько трудами других сунских писателей. К труду приложена карта киданьских владений — интересный образец китайской картографии начала XIII в.

«Ляо ши» состоит из 115 цзюаней. Подобно «Цзинь ши» и «Сун ши», она составлялась особым комитетом под председательством То Кэ То, образованным по императорскому указу в 1343 г. На следующий год работа над этой историей была завершена, и в 1345 г. первое издание увидело свет. В основу «Ляо ши» были положены «достоверные записи» («шилу») ежедневных деяний ляоских императоров под редакцией Елюй Яня (1103 г.), незаконченный труд цзиньского автора Чэнь Да-жэня — «Ляо ши» (1207 г.) и «Цидань го чжи».

В «Ляо ши» содержится много ценных сведений по ранней истории чжурчжэней. Маньчжурская версия «Ляо ши» переведена Габеленцем [Gabelentz, 1877]. Большие и важные фрагменты китайского варианта «Ляо ши» перевел на английский язык Фэн Цзя-шэн [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949]. При Цин прибавились дополнения — «Ляо ши ши» («Подборка к „Ляо ши“») и «Ляо ши ши бу» («Дополнение к подборке к „Ляо ши“»).

Вторая группа источников более многочисленна. Она снабдила нас большим материалом по династии Цзинь и ценными данными по раннему периоду чжурчжэней. Много важных источников этой группы создано южносунскими учеными.

«Да Цзинь го чжи» («Записки о государстве Великая Цзинь») составлены Юйвэнь Мао-чжао (в 40 цзюанях). Это неофициальное сочинение, хотя и подверглось при монголах определенной редакции, содержит много сведений, противоречащих официальной «Цзинь ши» («История Цзинь»), кроме того, более подробно, чем последняя, сообщает о жизни и культуре чжурчжэней. Цзюани группируются в четыре необозначенные части: летописи по типу императорских хроник, но с авторскими комментариями и отступлениями (цз. 1—26), биографии 13 государственных деятелей и 32 деятелей культуры (цз. 27—29), заметки о государствах Чу и Ци, вассальных Цзинь, и о государственной документации (цз. 30—32), разное (цз. 33—40). Последняя часть наиболее интересна для истории культуры чжурчжэней. Краткий перечень разделов цзюаней наглядно иллюстрирует это утверждение: астрономия, география, столицы, императорские мавзолеи и церемониал (цз. 33); флаги и значки, экипажи, одежда, перечень должностей с присваиваемыми им рангами (цз. 34); церемониал, положения о чиновниках и экзаменах (цз. 35); буддизм, даосизм, право, военные положения, обмены (цз. 36); дипломатические документы о сношениях

между Сун и Цзинь (цз. 37); гарнизоны в столицах и губернских городах (цз. 38); природа Маньчжурии, одежда и головные уборы, брак, пища, питье (цз. 39); маршрут Сюй Кан-цзуна, ездившего с посольством в Цзинь (цз. 40).

«Цзинь чжи» («Записки о Цзинь») сунского Юйвэнь Маочжао (в одном цзюане) представляют собой извлечение из «Да Цзинь го чжи», главным образом из цзюаней 36 и 39. «Цзинь чжи» содержат 16 разделов, посвященных происхождению и описанию прародины чжурчжэней, их одежде, браку, пище и питью, буддизму, даосизму, праву, амнистиям, военным поселениям, облавам, военным учреждениям, знаменам, жилищам и цвету одежды. «Цзинь чжи» переведены на русский язык В. П. Васильевым [Васильев, 1859]. О связи «Цзинь чжи» с «Да Цзинь го чжи» говорится в особой статье Миками Цугио [Mikami, 1963].

«Да Цзинь дяофа лу» («Записки об успокоении [народа] и о наказании [мятежников] при Великой Цзинь») состоят из 4 цзюаней; время создания и авторство их точно неизвестны. По-видимому, сочинение было создано после 1167 г. чжурчжэнем. Этот источник содержит важный материал по сношениям Сун и Цзинь в первой половине XII в., но главным образом в 1122—1130 гг. В него вошли дипломатическая переписка, грамоты, патенты на чин, сопроводительные к подаркам с перечнем последних и т. п. [Тояма, 1936].

«Сунмо цзивэнь» [«Воспоминания о Сунмо (Сунгари)»] в двух цзюанях — это часть доклада о положении в государстве Цзинь, составленного Хун Хао, который ездил в Цзинь послом от сунского Китая, был там задержан и провел в чжурчжэньских землях вблизи Верхней столицы чжурчжэней (Шанцзина) 15 лет (1129—1143). К сожалению, заметки, которые он вел в Цзинь, сгорели. И тем не менее работа очень ценна обилием интересных и редких наблюдений за жизнью чжурчжэней на ранней стадии их государственности. О личности Хун Хао и о значении его труда рассказывает специальная статья Тояма Гундзи [см. Тоуата, 1964, стр. 629—654].

«Ланьпэй лу» («Заметки, сделанные на коне») написаны Фань Чэн-да (в одном цзюане), посетившим Цзинь в 1170 г. в составе сунского посольства. Записки содержат интересные наблюдения о положении в Цзинь.

«Ши Цзинь лу» («Записки о посольстве в Цзинь») в одном цзюане составлены сунским Чэн Чжо, ездившим в Цзинь в 1211 г. поздравлять императора с Новым годом.

«Фэнши синчэн лу» («Заметки о маршруте аккредитованного посла») принадлежат сунскому Сюй Кан-цзуну (в одном цзюане). Сюй Кан-цзун был причислен к посольству, которое в 1125 г. ездил в Цзинь, чтобы поздравить Тай-цзу-

на с воцарением. Посольство проделало большой путь от Кайфына до Верхней столицы чжурчжэней. Это было первое китайское посольство, которое попало в Верхнюю столицу. Ценность заметок и определяется главным образом этим обстоятельством. В них много сообщений о положении в Цзинь в первой четверти XII в. Заметки переведены на французский язык Шаванном, этим переводом мы и пользовались [Chavannes, 1898].

«Бэйсин жилу» («Дневник путешествия на Север») составлен южносунским Лоу Яо (в двух цзюанях). Лоу Яо находился в составе китайского посольства, которое в 1169—1170 гг. ездил в Яньцзин (Пекин), и оставил интересные заметки.

«Бэйюань лу» («Записки о северной повозке») составлены южносунским Чжоу Шаном (в одном цзюане). Чжоу Шан сопровождал китайское посольство, которое в 1177 г. отправилось из Линьяня в Яньцзин для принесения поздравления по случаю дня рождения цзиньского императора. Отчет Чжоу Шана интересен непосредственными наблюдениями. Есть французский перевод Э. Шаванна [Pei Yuan Lou, 1904].

«Чжунсин юю лу» («Записки о противостоянии оскорблениям и о поддержке падающей династии») составлены в двух цзюанях неизвестным автором, по-видимому, китайцем. В записках рассказывается о войне 1161—1164 гг., развязанной Хай-лин-ваном, о героической роли китайского полководца Юй Юнь-вэня, «поддерживавшего падающую династию», и о заключении мира.

«Бэйшоу цзяньвэнь лу» («Записки об увиденном и услышанном во время императорского исхода на Север») принадлежат Цао Сюню (в одном цзюане). В 1127 г. Цао Сюнь сопровождал сунского императора Хуй-цзуна в г. Угочэн — в цзиньский плен. На следующий год он вернулся на родину и составил этот отчет. В нем, как и в следующем аналогичном отчете, много мелких бытовых зарисовок.

«Бэйшоу синлу» («Путевые заметки об императорском исходе на Север») составлены сунским Цай Тяо (в одном цзюане). Последний, как и Цао Сюнь, ездил вместе с императором Хуй-цзуном в чжурчжэньские земли и составил об этом отчет.

«Саньчао бэймэн хуйбянь» («Собрание документов о дипломатических сношениях с Севером при трех императорах [Хуй-цзуне, Цинь-цзуне и Гао-цзуне династии Сун]») составлено Сюй Мэн-синем (псевдоним Шач Лао, 1124—1205). Это сочинение делится на три раздела, включающих 250 цзюаней. Первый — 26 цзюаней — сообщает о событиях 1117—1125 гг., второй — 74 цзюаня — целиком посвящен трагическому для Китая 1126 году и третий — 150 цзюаней — охватывает пе-

риод с 1127 по 1162 г. «Собрание» основано на подлинных документах государственных архивов и содержит ценный материал по культуре и истории чжурчжэней и государства Цзинь. Цзюань 3, целиком посвященный раннему чжурчжэнскому обществу, переведен на русский язык Е. И. Кычановым [Кычанов, 1966; см. также Ch'ên Lê-su, 1936].

«Цзинкан яолу» («Важнейшие заметки о годе правления под девизом Цзин-кан [1126]») в 16 цзюанях написаны неизвестным автором. В заметках подробно описывается чжурчжэнское наступление на Китай, осада и падение Кайфына в 1126 г.

«Синьсы цици лу» («Записки о горестном Цичжоу в год под циклическим знаком синьсы [1221]») Чжао Юй-гуня состоят из одного цзюаня. Автор описывает 25-дневную осаду Цичжоу в период китайско-чжурчжэнской войны, во время которой он находился в городе. Есть перевод Э. Хэйниша, которым мы пользовались [Haenisch, 1944].

«Гуйцянь чжи» («Записки о возвращении в неизвестность») Люй Ци — китайца на цзиньской службе — состоят из одного цзюаня. Записки написаны примерно в 1234 г. Они содержат живые воспоминания автора об осаде и взятии Кайфына монголами. Перевод на немецкий сделан Э. Хэйнишем [Haenisch, 1969].

«[Цзиньго] Нань цянъ лу» («Записки о переносе столицы [государства Цзинь] на юг») цзиньского Чжан Ши-яня состоят из одного цзюаня. Автор излагает события, связанные с мятежом Ай-вана в г. Угочэне и с перенесением столицы чжурчжэней в Кайфын после того, как Яньцзин был осажден монголами в 1214 г.

«Жунань иши» («Позабытые дела Жунаня») написаны юаньским Ван Э (в одном цзюане). Автор был вместе с цзиньским Ай-цзуном в Цайчжоу, осажденном в 1233—1234 гг. и взятом монголами.

«Цзинь ши» («История Цзинь») состоит из 135 цзюаней, составлена специальным ученым комитетом под председательством То Кэ То в 1344 г. Впервые вопрос о составлении истории Цзинь возник сразу же после падения цзиньской столицы Кайфына и захвата монголами государственных архивов Цзинь. Тогда составление истории Цзинь было поручено Юань Вэнь-хао (1190—1258) — крупному писателю, но все предприятие рухнуло. Вторично эта проблема возникла с созданием палаты государственной истории династии Юань в 1261 г. Но после разгрома Южной Сун в 1279 г. при юаньском дворе возобладала идея «легитимизма», отрицавшего законность династий Ляо и Цзинь и, следовательно, их право на официальные летописи. В третий раз, уже в начале XIV в., составитель «Сун ши» намеревался присоединить

к истории Сун истории Ляо и Цзинь, но был казнен в 1323 г. Была еще одна неудачная попытка — четвертая — в 1330—1333 гг. И только уже при последнем юаньском императоре Шунь-ди крупный исследователь и писатель Оуян Сюань организовал ученый комитет, разборку архивов и поиски источников. Эта пятая попытка оказалась успешной. В основу хроникально-исторической части «Цзинь ши» были положены «достоверные записи», составлявшиеся еще при жизни императоров, ныне утраченные [Фудзиэда, 1948; Chan Hok-lam, 1967; Otagi, 1951].

Сочинение делится на четыре части. Первая часть — это исторические хроники, строго выдерживающие принцип погодного изложения событий в пределах каждого царствования (цз. 1—19). Они дают основную событийную канву для политической истории династии Цзинь. Вторая часть охватывает различные стороны государственной, военной, правовой, административной, финансовой, экономической, научной, обрядовой и духовной жизни (цз. 20—58). Третья часть — генеалогическая таблица императорской фамилии и таблицы посольские (цз. 59—62). Четвертая — биографии императоров, их жен, детей и других членов императорской фамилии, государственных деятелей и полководцев, писателей и ученых (цз. 63—133). Два последних цзюаня (134 и 135) уделяют внимание Западному Ся (Си Ся) и Корё.

Даже с учетом официозности сочинения, которое иногда превращается в памфлет составителей по адресу династии, историю которой они писали, «Цзинь ши» остается ценнейшим источником по любому вопросу, связанному с чжурчжэнским государством, и единственным сводом такого рода. Первый цзюань этого труда переведен на русский язык А. Г. Малявкиным [Малявкин, 1942], кроме того, под редакцией Оногава Хидэми по всему сочинению составлен трехтомный индекс [КСГИСС].

После появления «Цзинь ши» она неоднократно привлекала внимание ряда китайских ученых, которые по-разному пытались преодолеть ее недостатки. Минский автор Ян Сюнь-ци составил «Цзинь сяо ши» («Малую историю Цзинь») в 8 цзюанях, в которой были некоторые расхождения с юаньской версией. Еще дальше пошли маньчжурь, для которых античжурчжэнские тенденции составителей «Цзинь ши» были неприемлемы. В 1636—1640 гг. специальная комиссия из маньчжурских ученых на базе «достоверных записей» составила на маньчжурском языке свой вариант истории Цзинь под названием «Айсин гурун исудури» («История государства Цзинь»). В 1647 г. сочинение вышло в свет [см. Тюрюмина, 1969]. Этому труду повезло в Европе: у нас его перевел Г. М. Розов (перевод остался в рукописи и хранит-

ся в ЛО ИВАН СССР)², а во Франции — Ш. Харле [Harlez, 1887].

Однако большинство китайских ученых шло по линии традиционного осторожного вмешательства в ортодоксальную «Цзинь ши», ограничиваясь отдельными исправлениями и комментированием.

В 1781 г. по приказу правительства был создан особый комитет для комментирования и исправления собственных имен, географических и иных названий на некитайских языках, встречающихся в «Ляо ши», «Цзинь ши», «Юань ши». Результатом его работы было издание «Цзинь ши гоюй цзе» («Изыяснение [туземных] слов в истории государства Цзинь») в 12 цзюанях. При этом были использованы языки солонский, маньчжурский и монгольский. В соответствии с этими разысканиями все «туземные» слова были заново транскрибированы китайскими иероглифами и в таком виде включались в последующие издания трех упомянутых династийных историй.

Кроме того, «Цзинь ши» уже в новейшее время было подвергнуто серьезному сравнительно-текстологическому анализу [Fêng Chia-shêng, 1934]. Особые работы посвящены географическим разделам [Фэн Цзя-шэн, 1934], генеалогическим таблицам [Ch'en Shu, 1935].

«Хуаи июй» («Китайско-варварские словари») состоят из двух цзюаней, начали составляться в 1382 г. монголом Хо Юань-цзе, которому было велено перевести некоторые монгольские тексты. Чжурчжэньский словарь насчитывает свыше восьмисот слов. В словаре помещены чжурчжэньские знаки, их перевод и транскрипция китайскими иероглифами. Словарь неоднократно публиковали, комментировали и разрабатывали многие крупные ученые [см. Grube, 1896; Watanabe, 1935; Ямамото, 1951; Yatajî, 1956].

Третья, последняя группа источников наиболее пестрая. «Корё са» («История Корё») написана на китайском языке корейским ученым Чон Ин Чи в 1445—1451 гг. Она состоит из 137 цзюаней. За образец взяты «Ши цзи» Сыма Цяня и китайские династийные летописи. Материал расположен по четырем разделам: хроники (46 цз.), описания (39 цз.), биографии (50 цз.), таблицы (2 цз.). К сожалению, к XV в. не все первоисточники сохранились, поэтому в историческом повествовании «Корё са» имеются пробелы, особенно досад-

² Многие цитаты из цзюаней 1—19 «Цзинь ши» приводятся нами в этом переводе с необходимыми исправлениями без указания на первоначального переводчика — Г. М. Розова. В тех случаях, когда маньчжурская версия «Цзинь ши», которой пользовался Розов, отличается от китайской, после указания цзюаня дана ссылка на рукопись Г. М. Розова.

ные потому, что охватывают годы, на которые приходится ранняя история чжурчжэней.

«Сун ши» («История Сун») составлена комиссией во главе с То Кэ То при династии Юань. Этот источник, состоящий из 496 цзюаней, структурно не отличается от «Ляо ши» и «Цзинь ши».

«Вэньсянь тункао» («Исследование классических текстов») Ма Дуань-линя включает 348 цзюаней. В этом многотомном сочинении для нас представляют значительный интерес разделы о народах, окружающих Китай, в том числе и о чжурчжэнях. Эти разделы переведены на французский язык Гарвеем [Ma Touan-lin, 1876].

«Сюй вэньсянь тункао» («Продолженное исследование классических текстов») в 252 цзюанях составлено в 1773 г. как продолжение предыдущего источника.

«[Циньдин] Шэнцзин тунчжи» («Общее описание провинции Шэнцзин, [высочайше утвержденное]») состоит из 130 цзюаней. Этот коллективный труд составлен в 1778—1779 гг. В нем описаны также провинции Гири и Хэйлуцзян. Особый интерес для нас представляют цзюани 105 (нравы и обычаи) и 106 (продукты природы), материал которых подается в историческом разрезе.

«Нингута цзиле» («Краткие записки о Нингуте») в одном цзюане. Составитель цинский У Чэнь-и, сын опального вельможи, сосланного в Маньчжурию. Проведя много лет в Маньчжурии, У Чэнь-и по возвращении в 1722 г. опубликовал интересные наблюдения, изобилующие географическими и этнографическими сведениями. Этот материал мы широко использовали в переводе с комментариями В. П. Васильева [Васильев, 1857].

«[Циньдин] Маньчжоу юаньлю као» («Исследование о происхождении маньчжуров, [высочайше утвержденное]») в 20 цзюанях — это свод сведений, рассеянных по многим историческим источникам и относящихся к народам Маньчжурии с древности и до XVII в. Перечисляются города, горы, реки, местные продукты, нравы и обычаи этих народов, настойчиво проводится идея непрерывности генеалогического древа маньчжуров, возводимого к сушэням.

Мы описали наиболее характерные источники из числа использованных в процессе работы над монографией, интересные как с чисто источниковедческой стороны — своей редкостью, или, наоборот, каноничностью, так и по своим потенциальным возможностям, открывающим перспективу их дальнейшего изучения и использования при разработке тех или иных вопросов, касающихся династии Цзинь.

Историография новейшего чжурчжэневедения насчитывает всего лишь несколько десятилетий своего существования.

Под новейшим чжурчжэневедением мы понимаем исследовательскую работу над уже охарактеризованными и вновь открытыми источниками в плане разработки общих и частных проблем методами современной науки. Не считая переводов и пересказов источников, лишь десяток таких работ (в основном европейских), написан до первой мировой войны, а среди них лишь немногие удовлетворяют современным требованиям [см. работы Ф. Ф. Буссе, П. Кафарова, И. Г. Плата, Т. де Лякупери, Э. Шаванна, В. Грубе, Ш. Харле]. С 20—30-х годов XX в. намечается некоторый подъем в изучении этой области истории Дальнего Востока, связанный с расширением научной деятельности в Китае и Японии (в каждой из этих стран этот подъем оказался сугубо специфичен по времени и по абсолютным результатам); именно учеными этих двух стран выполнена наибольшая по объему работа [Воробьев, 1972]³.

Общеисторические монографии не особенно многочисленны и, как правило, охватывают более обширный период, чем время правления династии Цзинь, но зато они выгодно отличаются концентрированным изложением предмета в целом. «Историей Сибири» (т. 1, 1968) и отчасти монографией А. П. Окладникова (1959) наша наука сразу же выдвинулась на почетное место в освещении общеисторических судеб ряда пограничных народов древности, и в том числе чжурчжэней. Многие китайские общие истории содержат раздел по династии Цзинь, но освещают этот период так, как мы уже отмечали выше [см., например: Очерки истории Китая, 1959]. Разбору военных действий между Китаем и чжурчжэнями посвящена специальная монография Шэнь Ци-вэя [1958]. Из японских монографий выделяются объемистая «Мансю си» («История Маньчжурии») Тоёда Ёдзо (1943), «История Китая под властью чужеземцев» [Иминдзоку..., 1943], написанные по первоисточникам и содержащие много фактического материала; сборники статей по средневековой Маньчжурии Икэути Хироси (1937, 1943). Сильная сторона японских сочинений (как общеисторических, так и более специальных) в охвате большого материала, слабая — в растянутости изложения, в начетничестве в ущерб исследовательской стороне, иногда в ложности исходных концепций.

Монографии японских ученых Тояма Гундзи и Миками Цугио должны быть выделены особо: они целиком связаны

³ Общетеоретические и политические аспекты современной зарубежной дальневосточной медиевистики нашли оценку в ряде специальных статей [Березный, 1963; Вяткин и Тихвинский, 1963], а работы русских и советских ученых в области чжурчжэневедения — в статье Э. Шавкунова [1973].

с проблемами государства Цзинь [Тоуама, 1964; Mikami, 1970, 1972, 1973]. Они близки друг другу по направлению и по своей структуре, затрагивают самые различные стороны жизни чжурчжэней и их государства, преимущественно политическую, общественную, культурную. Они состоят из серии статей, ранее опубликованных в периодических изданиях (а монография Миками Цугио, вышедшая в 1972 г., основана на его же монографии, вышедшей в 1937 г.), но отдельные положения пересмотрены и дополнены. Работы написаны на богатом фактическом материале, снабжены подробными примечаниями, ссылками и указателями. Их значение для чжурчжэневедения невозможно переоценить.

Из работ, рассматривающих частные вопросы истории чжурчжэней и Цзинь, несомненно, следует выделить статьи Хуа Шаня и Чжу Да-цзюня о разложении родового строя и сложении государственности у чжурчжэней, книгу Нииды Нобору по китайскому (и цзиньскому) праву, статью Янаи Ватару о военной системе Цзинь, серию статей Н. В. Ивочкиной о денежном обращении в цзиньском государстве. Важный материал по экономике Цзинь можно найти в монографии Чжан Цзя-цзюя, хотя оценка ее, предлагаемая автором с позиции развития экономики Китая, исключительно негативная. Статья Син Тхэ Хёна по аграрному вопросу и ряд статей Хино Кайдзабуро по торговле освещают другие стороны хозяйства Цзинь.

Разобранная нами литература в полном соответствии с ее тематической ориентацией отличается целенаправленным фактологическим характером. Это особенно приложимо к работам восточных авторов. В лучших их статьях, как правило упомянутых нами выше, мы находим добросовестное изучение источников и первичные выводы, непосредственно вытекающие из них. Однако, как мы увидим далее, фактологическое направление не является в чжурчжэневедении единственным. Последнее ставило перед собой и пыталось разрешить общие проблемы.

Многие крупные исследователи справедливо считали невозможным исследовать культуру и историю чжурчжэней в отрыве от окружающего этнического мира — в самом государстве Цзинь и за его границами. В некоторых интересных статьях разбирается общая политика чжурчжэней по отношению к киданям [Тоуама, 1964], к китайцам [Тояма, 1944], к бохайцам [Тоуама, 1964], вообще к «инородцам» — с чжурчжэньской точки зрения [Торияма, 1917], положение коренного населения в захваченных чжурчжэнями землях [Юань Го-фань, 1965]. Проводится сопоставление национальной политики, проводимой чжурчжэнями и монголами [Пэн Чжэнь-го, 1934]. Как правило, этот щекотливый вопрос раз-

решается в научной литературе на научной основе дифференцированно для каждого случая (т. е. особо для каждой национальности и для каждой области соприкосновения) и без политической тенденциозности — последняя лишь иногда проскальзывает в некоторых японских работах военных лет в виде осторожно подаваемой идеи об относительно благодетельном для Китая правлении некоторых иноземных династий.

Многие исследователи пытались, и безуспешно, распутать сложный клубок отношений чжурчженей с окружающими их странами: с Ляо [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949; Кумамого, 1898], с Корё [Chu Hsi-chu, 1934; Rogers, 1961, 1959], с Си Ся [Кычанов, 1973а], с Сун [Thiele, 1971].

Все работы, связанные тематически с главой III, как правило, полемичны по характеру, не отступают перед широкими выводами и обобщениями, оставаясь, однако, на твердой научной базе.

В заключение следует назвать ряд трудов, в основном монографических, по содержанию не укладывающихся в рамки узкоспециальной проблематики, но с той или другой точки зрения бесспорно важных для чжурчженеведения в целом. Это проблемные сочинения широкого профиля по этногенезу [Левин, 1958], по азиатскому обществу как особому типу [Tamura, 1956, 1956а], по противостоянию китайского общества обществу «варварскому» [Haneda, 1957; Иминдзоку., 1943], по этнографии и культуре родственных чжурчжэням народов [Народы Восточной Азии, 1965; Shirokogoroff, 1924].

Карты, схемы и таблицы составлены по материалам автора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

M. V. Vorobjov.

JURCHEN AND THE STATE OF CHIN
(10TH CENTURY – 1234)

Historical essays

Предисловие	3
<i>Глава I. Чжурчжэни до 1115 г.</i>	19
Происхождение чжурчжэней	19
Политическая история	31
Социальный строй	51
Формирование органов власти	65
Зарождение аппарата управления	65
Право	71
Военное дело	75
Хозяйство	80
Сельское хозяйство и промыслы	80
Ремесло	91
Торговля	94
Финансы	104
Средства и пути сообщения	106
<i>Глава II. Государство Цзинь (1115–1234)</i>	109
<i>Политическая история</i>	109
Общественные отношения	126
Государство	150
Аппарат управления	150
Право	178
Военное дело	191
Экономика	212
Сельское хозяйство	212
Ремесло	232
Торговля	243
Финансы и деньги	257
Средства и пути сообщения	267
<i>Глава III. Чжурчжэни и другие народы</i>	295
Этнические отношения в государстве Цзинь	295
Чжурчжэни и окружающий мир	309
Заключение	353
Генеалогическая таблица правителей и императоров из дома Ваньянь	383
Список библиографических сокращений	384
Библиография	386
Синхронистическая таблица	400
Некоторые современные величины длины, площади и веса в Китае	422
Указатель имен	423
Указатель географических названий	427
Указатель этнических и родовых названий	434
Предметный указатель	436

CONTENTS

Preface	3
<i>Part 1. Jurchen before 1115</i>	19
Origin of the Jurchen	19
Political Story	31
Social Organization	51
Formation of the Government Bodies	65
Origin of the Administration	65
Common Law	71
Military	75
Economy	80
Agriculture and Domestic Craft	80
Handicraft	91
Trade	94
Finances	104
Means and Ways of Communication	106
<i>Part 2. State of Chin (1115–1234)</i>	109
Political Story	109
Social Relations	126
Statehood	150
Government Organization	150
Law	178
Military	191
Economy	212
Agriculture	212
Handicraft	232
Trade	243
Finances and Money	257
Means and Ways of Communication	287
<i>Part 3. Jurchen and Other Peoples</i>	295
Ethnic Relations in the Empire of Chin	295
Jurchen and the World Around	309
Conclusion	353
Genealogical Table of Rulers and Emperors of the House of Wanyen	383
List of Bibliographical Abbreviation	384

Bibliography	386
Synchronistic Table	400
Some Modern Measures of Length, Area and Weight in China	422
Name Index	423
Geographical Index	427
Ethnic Index	434
Subject Index	436

Михаил Васильевич Воробьев
Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.— 1234 г.)

Исторический очерк

*Утверждено к печати Ленинградским отделением Института востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *О. Л. Горбунова*, Младший редактор *Р. Г. Селиванова*.
Художник *А. Гольдман*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический
редактор *С. В. Цветкова*. Корректоры *Л. И. Письман* и *М. Э. Шафранская*

Сдано в набор 8/VII 1974 г. Подписано к печати 3/IX 1975 г. А-12728
Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 2. Печ. л. 28+0,25 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 30,27. Тираж 2800 экз.
Изд. № 3452 Зак. 3057. Цена 3 р. 24 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Московская типография № 13 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 107005, Москва Б-5, Денисовский пер., 30
Отпечатано во 2-ой типографии издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10